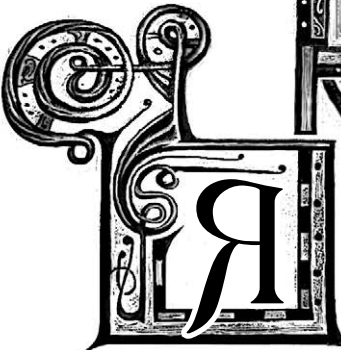

ПРОЛОГ

всегда знал: от местечка под названием Злобные скалы ничего хорошего ждать не стоит.

Говорят, давным-давно, во времена волшебства, это место вовсе не было «злым», и добывали тут все виды камня, какие есть на свете. А потом дары пропали, не стало храбрых каменотесов, и больше никто в эти скалы не лез: можно заблудиться, а можно и шею сломать.

Наша деревня прямо у подножия стоит, но мы в горы, ясное дело, не ходим: ни птицы, ни звери там не водятся, ничего не растет, а чтобы ценные камни откалывать, нужны волшебные инструменты, как у предков. И жили мы в тени этих разноцветных вершин мирно и тихо, пока мой отец не решил, что хочет стать каменотесом.

В тот день, которого мне теперь никогда не забыть, отец потащил нас с Лоттой прямо в Злобные скалы.

— Зря их все так боятся, — заявил он. — Меня уже пару дней туда тянет и днем, и ночью. Брожу и никак не налюбуюсь! Я раньше даже не замечал, что камни такие красивые и что все ущелья разные, не заблудишься. Хотите увидеть стену из сияющего красного камня? А заодно поможете мне кое с чем. Я придумал, как отколоть несколько кусков породы, но силенок моих не хватает, а вы у меня вон какие вымахали!

Отец всю жизнь сражался с нашей бедной каменной землей за скудные урожаи моркови, и я никогда не видел его таким веселым, как в последние дни.

— А вдруг он умом тронулся? — зашептал я на ухо Лотте, едва за ней поспевая. Она шла охотно, будто вовсе не боялась. — Что значит «придумал, как отколоть камни»? Так же не бывает! Чтобы сделать что-нибудь, нужны знания, предками данные, а ни с того ни с сего придумывать, что хочешь, только во времена Сердца умели.

Мы шли вслед за отцом по извилистому ущелью. Мне здесь совсем не нравилось, но кто же родителя послушается? И тут Лотта странно на меня посмотрела и сказала:

— Слушай, Петер. А что, если Сердце волшебства нашли?

Я прямо со смеху покотился. Скажет тоже! Но Лотта и дальше свое гнула:

— Герда вчера, когда мы в последний раз виделись, спела мне песню. Она раньше пела, как мы все, еле-еле. А тут... Я прямо заслушалась! А Бьорн вдруг проснулся силачом. Герда говорила, мешок картошки одной рукой подкинул, она сама видела. На что это, по-твоему, похоже? На дары, как в сказках!

Говорила она тихо, отец бы ее все равно слушать не стал, кто женщин-то слушает! Ну, кроме меня. С тех пор как мама умерла, Лотта мне вместо нее, хоть всего на три года меня старше.

— Если они у нас такие даровитые, чего сбежали? Они бы и тут неплохо устроились, — проворчал я, через силу делая сердитый вид: уж очень мне хотелось, чтобы слова Лотты правдой оказались.

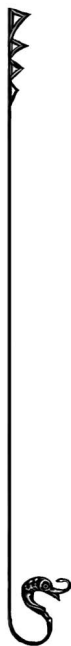
— Сама не пойму, — вздохнула Лотта, глядя на яркое предзакатное небо. Отцу совсем разум отшибло, если он вздумал пойти в Злобные скалы к вечеру. — Герда мне вчера сказала, что идет искать какое-нибудь тихое место, чтобы в пении тренироваться. А потом, наверное, передумала и с любимым сбежала — ее матери Бьорн никогда не нравился. Романтично, да? Вот бы мне так.

Я поежился, носком сапога отбрасывая с дороги камешки. Из нашей деревни иногда убегали те, кто не хотел всю жизнь копать в скупой земле и разводить кур, но я точно знал, что никогда так не сделаю. Кто дом бросает, сразу погибает, так мама говорила.

— Вдруг она не сбежала, а пошла петь сюда? Местечко тише некуда, — сказал я, просто чтобы поспорить. — И Бьорн с ней, вместе и заблудились. Никто их больше не видел, вот и решили, что они сбежали.

— Глупости, — фыркнула Лотта. — Раз уж Бьорн теперь такой силач, забрался бы повыше да нашел путь обратно.

— Он не успел! Знаешь, что бывает в сказках с теми, кто идет в заброшенное жуткое место, как мы сейчас? — заунывно протрубил я Лотте в ухо. — Их кто-нибудь съедает!

Лотта посмотрела на меня как на дурачка и собралась было спорить дальше, но тут кое-что произошло.

Из разлома в скале стрелой вылетела мелкая птичка и уселась Лотте на плечо. Та взвизгнула и отмахнулась, но птица осталась на месте.

Отец, шагавший впереди, обернулся, и глаза у него стали круглые, как тарелки. В скалах никакая живность не водится, а тут откуда-то появились еще две птицы и начали виться вокруг Лотты, бешено молотя крыльями.

Лотта медленно приоткрыла зажмуренные глаза, вытянула руки ладонями вверх — и птицы, щебеча взахлеб, уселись на них.

— Я... Я понимаю их язык, — одними губами проговорила моя сестра, и никогда еще она не казалась мне такой красивой, такой важной, как в эту минуту.

— И что они говорят? — шепотом спросил я.

Лотта будто очнулась, замороженное выражение на ее лице исчезло без следа.

— Они говорят: «Бегите».

И тут щебет птиц внезапно оборвался, потому что в скалах раздалось совсем другое пение:

— Мы вернемся однажды домой,
Даже если уже будет поздно,
Ведь далекие яркие звезды
Нас в ночи поведут за собой.

Я и не думал, что эта старая простенькая песенка может звучать так удивительно, — она вливалась в уши, текучая, как масло, звенящая, как серебро.

— Герда! Это она! — крикнула Лотта и помчалась на голос, а я хотел ее остановить, но не смог: ноги будто прилипли к земле.

— Как красиво, — пробормотал отец.

Я вдруг понял, что голос переместился, словно его обладатель сделал огромный прыжок. Теперь пение раздавалось с другой стороны, но отец будто не замечал: вместо того чтобы идти за Лоттой, он пошел на голос. Я кричал ему вслед, но он не обернулся. Голос накрывал меня, как волна, и я осел на землю, закрыв ладонями уши. Он становился громче, а я сжимался сильнее и ничего не понимал, кроме одного: мне нельзя идти туда, куда он зовет. Потом пение стихло. Упершись лбом в каменистую землю, я пытался отдышаться. Мне почему-то казалось, что кто-то сейчас схватит меня за плечо, но ничего не произошло, и я выпрямился.

В лесу было тихо. Захлебываясь воздухом и слезами, я позвал отца и Лотту. Никто не откликнулся.

Отца я нашел всего в тридцати шагах. Он лежал под скалой из белого камня, глядя в небо. Кровь была на его волосах и на скале, будто отца ударили об нее головой. Но с какой же силой надо было ударить, чтобы он... Я зарыдал, прижавшись щекой к его неподвижной груди. Мне казалось, что сердце у меня расколосось надвое, как в любимых сказках Лотты о героях с разбитым сердцем, которые отправляются в далекое путешествие, чтобы его склеить.

Только я не был героем. Мне было тринадцать, и я хотел только одного — чтобы Лотта вернулась, оплакала отца вместе со мной, и мы отнесли бы его домой.

Этого не произошло.

Лотту я нашел благодаря птицам. Они щебетали как сумасшедшие, кружились над ней, будто хотели, чтобы она им ответила. Я лег рядом с ней. Остатки моего сердца крошились, как зерна под мельничным жерновом.

А потом я заметил, что она еще дышит, и опять заплакал, на этот раз — от облегчения. Но сколько я ни звал Лотту, сколько ни тряс, она не просыпалась, и кожа ее была холодной и влажной, как у лягушки.

— Только я могу ее разбудить, — сказал кто-то совсем рядом.

Голос был мужской, низкий и звучный. Я вскочил, озираясь. Он раздавался совсем близко, но я никого не видел.

— Как твое имя? — спросил он.

Вот теперь я понял: тот, кто говорил, прятался за широким выступом скалы, но я был слишком напуган, чтобы заглянуть туда.

— Петер, — пролепетал я. — А твое?

Он засмеялся, и от этого смеха птицы, по-прежнему носившиеся вокруг, умолкли.

— Вы, люди, вечно зовете меня одинаково, но мне не нравится это прозвище. Лучше зови меня, скажем, Зверем. Ну, а теперь сделай то, что должен, Петер-скрипач.

Последнего слова я никогда не слышал — наверное, какое-нибудь ругательство.

— А что я должен? — Я сел обратно на землю и сжал холодную руку Лотты.

— Иди и найди белого рыцаря, конечно. Что за глупые вопросы?

— Белых рыцарей нет уже лет триста, где мне его взять?

— Хм. Похоже, Сердце волшебства искали довольно долго, — задумчиво проговорил Зверь. — Ладно, най-

ди мне самого храброго юношу в ваших краях, расскажи ему, что случилось с твоей прекрасной сестрой, и пусть он явится и бросит мне вызов, чтобы спасти ее.

Я засмеялся трясущимся, безумным смехом. Конечно, я знал легенды о белых рыцарях и понял, что нужно Зверю, но...

— Никто не придет! Кто в своем уме покинет дом, чтобы помочь неизвестно кому? Такое только в сказках бывает.

Зверь тяжело вздохнул:

— Хочешь сам сразиться со мной за жизнь сестры, раз так трудно найти героя? Ты, конечно, не слишком подходишь, но это лучше, чем ничего. Ну как, бросаешь мне вызов?

Я затряс головой.

— Ты просто убьешь меня. Как убил моего отца, — с трудом проговорил я. От страха у меня онемели губы. — Я не умею драться.

Зверь вздохнул еще тяжелее.

— Ну, вот что, Петер. Я придумал, где найти того, кто нам нужен. Надеюсь, в вашем новом мире королевский дворец на месте? Вот и славно. Ни за что не поверю, что там не найдется глупого мальчика, жаждущего подвигов. Отправляйся во дворец и скажи вот что...

И он объяснил мне.

— Не могу же я послать какого-то парня на верную смерть! — выдавил я, изо всех сил стиснув руку Лотты.

— Разве есть что-то важнее, чем семья, Петер? Обещаю, когда с рыцарем будет покончено, я покину эти края. А ты сможешь вернуться домой, и сестра будет ждать тебя там, живая и невредимая. До встречи, Петер-скрипач.

Я поглядел на Лотту. Сквозь слезы я с трудом ее видел. Она лежала на земле, неподвижно, как мертвая, — но ее грудь едва заметно вздымалась.

— Зачем ты убил отца и Бьорна с Гердой? — хрипло спросил я. — Лотта тебе нужна, чтобы приманить рыцаря, но зачем...

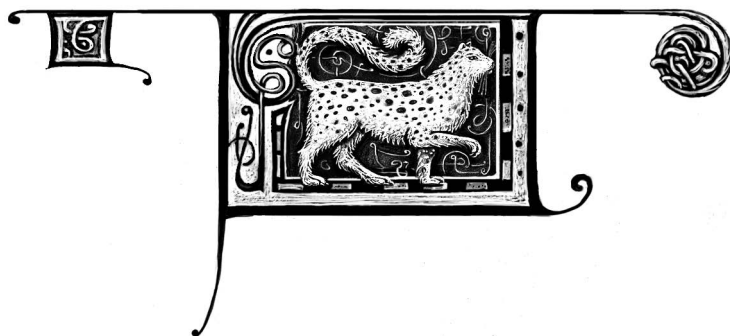
— Такова уж моя природа. Ты, кажется, не понял, с кем говоришь, Петер, — с мягким смешком сказал Зверь. — Взгляни, не стесняйся.

Он вышел из-за скалы — и я закричал.

В деревню я больше не вернулся, нет, я сделал то, что велел мне Зверь: отнес королю весть.

Все началось с меня, Петера-скрипача, но это — не моя история. Она о том, кого я встретил во дворце, и когда-нибудь я расскажу своим детям, что был знаком с ним. Уверен, вы о нем уже слышали. Его зовут Генри.

ГЛАВА 1

ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

В ту ночь Генри приснилась земля — черная, остро пахнувшая сыростью. Он стоял на коленях и торопливо закапывал что-то, натываясь руками на древесные корни. Издалека кто-то звал его, но Генри только копал быстрее, задыхаясь от страха. Собственные ладони казались слишком маленькими, будто он превратился в ребенка, и даже во сне Генри знал: пока за ним не пришли, он должен кое-что спрятать, похоронить как можно глубже, чтобы никто никогда не нашел, и...

И тут сон разорвался, как старая бумага, потому что у Генри над ухом кто-то запел.

— Встречай чудесный новый день,
Иначе утро зря пройдет!
Забудь про сон, забудь про лень,
Проснись, тебя удача ждет!

Сладкий, как земляника, голос выводил все это с таким наслаждением, будто нет на свете ничего приятнее, чем петь, и Генри вдохнул глубже, просыпаясь.

— Коль утром слышишь голос мой,
Удачу приручить сумеешь!
Проснись, дружок, и пой со мной,
Иначе очень пожалеешь!

Генри приоткрыл глаза — и одним движением скатился с кровати. Над ним порхала птица вроде дрозда, только с радужным оперением. Генри вжался в стену и потянул к себе подушку — будет чем отбиваться. Интересно, куда делся тот, кто только что распевал? Комната была пуста: только он сам и...

— Что за дела? Брось подушку! — гневно заклекотал дрозд. — Я тут из сил выбиваюсь, пою для него, а он!

Генри стиснул подушку крепче. За последний месяц он видел немало всяких странностей, но со сна говорящий дрозд застал его врасплох.

— Три сотни лет без волшебства, и у людей уже провалы в памяти! Неужели обо мне книг не написали? Нет, правда, не узнал меня? Не разыгрываешь? — Дрозд сел на одеяло и начал подпрыгивать, поворачиваясь вокруг своей оси. Его перья переливались так, что Генри сощурился. — Ладно, тогда позволь представиться. Я дрозд-разбудильник. — Он перестал крутиться и поклонился, прижав крыло к груди. — Любой знает, если утро начинается с моей песни, значит, впереди чудесный денек! Ну, и где приветствия? Где благодарность?

Генри зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть. Кажется, от трехсотлетнего сна у дрозда-разбудильника

что-то случилось с умением определять время: воздух за окном был бесцветно-серым, ни намека на рассвет.

— Лети, ничего я тебе не сделаю, — пробормотал Генри и в знак примирения выпустил подушку из рук.

Дрозд вытаращил глаза.

— Ты — мне? — пискнул он тонким, пронзительным голосом, похожим на звяканье пригоршни гвоздей. — Ну и невежа! С волшебными существами надо говорить учтиво, юноша, и я тебя прочу! Ты увидишь силу моего гнева! Так-то! — Дрозд запрыгал по одеялу, смешно вскинув крылья. — Волшебство вернулось, и теперь уж повеселимся! Не научишься хорошим манерам — пощады не жди.

Он напоследок ткнул в сторону Генри крылом, как указательным пальцем, и попытался вылететь в окно, но промахнулся и с глухим стуком впечатался в раму. Кажется, обращаться с крыльями после стольких лет бездействия было не так-то просто. Генри уже поднялся, чтобы проверить, не сломал ли себе бедняга что-нибудь, но, очевидно, волшебный дрозд был довольно крепким существом, потому что при виде Генри только сердито свистнул и со второй попытки выпорхнул наружу.

Еще несколько секунд в саду раздавалось хлопанье крыльев, потом все стихло, и Генри рухнул обратно на кровать. Какие неприятности могут быть от крохотного создания, которое занимается тем, что будит людей и желает им доброго утра? Генри с наслаждением уткнулся в подушку, и глаза у него тут же начали слипаться — накануне все праздновали и легли за полночь, а после трех недель приключений он бы спал и спал дни напролет, вот было бы...

Мимо двери простучали чьи-то шаги, и Генри распахнул глаза. Та часть дворца, в которой ему выделили комнату, была почти заброшенной, везде только пыльные запертые двери. Кому понадобилось разгуливать здесь в такое время?

Неделя, проведенная во дворце, научила Генри, что ко всему тут лучше относиться с подозрением, а инстинкт охотника разбудил его так резко, как не смог бы никакой волшебный дрозд. Он натянул одежду, прихватил тяжелый подсвечник и выскользнул из комнаты. За ближайшим поворотом коридора послышался душераздирающий скрип, и Генри, держа подсвечник наготове, бесшумно подобрался к незнакомой двери. Судя по облаку пыли, которое висело в воздухе, ее не открывали уже давным-давно.

Генри заглянул в комнату и с облегчением выдохнул. Король открывал большое, вполовину стены, окно, кряхтя сражаясь с заклинившими рамами. На столе, покрытом толстым слоем пыли, стоял поднос с дымящимся чайником и чашкой. Генри хотел скрыться, но король уже заметил его и улыбнулся, даже не вздрогнув от неожиданности.

— А, друг мой, тоже не спится? Тогда составьте мне компанию. — Король показал Генри на одно из пыльных кресел. — Это была любимая комната моей жены — вид отсюда открывается невероятный.

Никаких предубеждений против пыли у Генри не было, так что он сел, куда велели. Король устроился напротив, но тут же встал снова, вытащил из шкафа чашку, протер ее куском кружевной ткани, лежавшим на подносе, и взял себе, протянув Генри чистую. А потом разлил чай и со счастливым вздохом откинулся на спинку крес-

ла, держа одной рукой чашку, а другой — маленькую тонкую тарелку под ней.

— Дела у нас принято решать на восходе солнца — светлое время дорого, когда на закате все ложатся спать, — пояснил король, бесшумно глотнув чаю. — Я назначил на семь часов первое заседание королевского совета новых времен и всю ночь не могу заснуть. Думаю о вопросах, которые надо обсудить. Набралось уже больше сотни.

Улыбка у него была молодая и веселая, как будто в обществе Генри он не стеснялся улыбаться так, как хочется, а не так, как положено королю. Генри кивнул, не зная, что ответить, и король продолжил:

— Кстати, один из вопросов такой: я ведь не успел вас спросить, какую награду вы хотите за свои подвиги. Не стесняйтесь, говорите.

Генри пожал плечами, пытаясь отхлебывать чай так же тихо, как король. Вещи, которые люди считали ценными, вроде денег и старых предметов, его не интересовали. То, что король не прогнал его из дворца, а даже пил с ним чай, само по себе было отличной наградой.

— А вы не болтун, — мягко сказал король, подливая ему чаю. — Может быть, расскажете о своей семье?

Генри отвел взгляд. Неужели король как-то догадался, что Освальд — его отец?

Увидев лицо Генри, король примирительно вскинул руку.

— Самый обычный вопрос. Считается, что какая семья, такой и человек. Уверен, ваши родители — достойнейшие люди.

Генри молча втягивал в себя чай. Он внезапно подумал: может, хотя бы его мать была достойнейшим чело-

веком? Вот бы что-нибудь про нее узнать. Но рассчитывать на это было нечего — отец за всю жизнь не сказал о ней ни слова, а сам Генри даже не помнил, как она выглядела.

— Позвольте спросить у вас еще кое-что, — прервал его мысли король. — Ваш дар... Вы можете его контролировать? Мы в безопасности, верно?

— Конечно, — еле слышно сказал Генри.

— И если, например, пойдет дождь, вы не будете... странно себя вести? — уточнил король.

Генри выдавил улыбку. Он вспомнил, как ужасно чувствовал себя, когда вымок под ливнем после того, как его дар вошел в полную силу.

— Я еще не разобрался, — пробормотал он. — Но, по моему, ничего страшного.

— Хорошо, — с облегчением закивал король. — Да, конечно, вы ведь не такой, как люди с даром огня в старых легендах. Вы хороший человек, и, надеюсь, вас водой не убьешь.

— А что, кого-то убивали? — натянуто спросил Генри.

Король так внимательно на него смотрел, что начинало казаться, будто все эти расспросы — какое-то испытание, но Генри не понимал, в чем его суть.

— В старину людей с даром огня держали взаперти. Но если они вырывались на свободу и начинали убивать, с ними приходилось расправляться, — сказал король, не отводя от него напряженного взгляда. — Их сажали на цепь и постоянно обливали водой. Когда разрушитель испуган или зол, вода причиняет ему ужасную боль, и постепенно он сходит с ума и гибнет. Одни умирали быстро, другие — через недели или месяцы. Никогда не мог по-

нять, зачем Барс выдумал дар, который причиняет страдания даже его обладателю.

Генри тупо смотрел на свои руки. Вот теперь он понял, что король был не так уж жесток, когда посадил его на цепь в Цитадели. Хоть водой обливать не приказал. Понял он и кое-что еще: король не просто так все это говорит. Он предупреждает, что будет, если Генри не сможет удержать дар огня под контролем.

— Я никому ничего плохого не сделаю, — с нажимом сказал Генри, и король кивнул, будто этих слов было вполне достаточно.

— Ну и славно. Тогда можете оставаться во дворце сколько захотите.

— А если я вообще не хочу уезжать?

— Мы будем только рады, — с улыбкой ответил король, и Генри неловко улыбнулся в ответ. — Уверен, вы принесете огромную пользу и совершите еще множество героических деяний. Извините, что из меня в такое чудесное утро получился неприятный собеседник. — Лицо у короля просветлело, словно ему в голову пришла отличная идея. — Кстати, о собеседниках. Вы отлично поладите с моим сыном — представляю, сколько у вас найдется общих тем! Идемте, я вас отведу. По пути сюда я слышал, что он уже встал.

Вот это было действительно странно: вчера Эдвард ушел с праздника первым, шатаясь от усталости, и сказал, что ляжет спать, — так с чего ему подниматься до рассвета? Но возражать Генри не стал — он запоздало сообразил, что король, видимо, пришел в эту комнату, чтобы побыть в одиночестве.

Они пошли куда-то пустыми, гулкими коридорами и остановились перед дверью, из-за которой раздавались

глухие удары. Король повернулся к Генри с таким видом, будто хотел за что-то извиниться.

— У него довольно необычное увлечение, не пугайтесь. Уверен, он будет рад вас видеть.

Генри был в этом совсем не уверен, но король уже постучал в дверь. Удары сразу затихли, но шагов было не слышно, как будто Эдвард решил срочно сделать вид, что спит.

— Открывай, это приказ, — сказал король.

Дверь приоткрылась на ширину ладони.

— Доброе утро, Эдвард! — произнес король таким фальшиво бодрым голосом, что Генри поморщился, как от скрипа ногтей по камню. — Развлеки нашего гостя беседой, будь так добр. Ему наверняка интересно послушать о дворцовых правилах, традициях и подобных интересных вещах. Вы могли бы осваивать небольшую часть этой науки каждый день, если ты не против.

К чему король клонит, было ясно. Видимо, Генри даже за сегодняшний их разговор нарушил кучу правил: не так сел, не так встал и не так пил чай.

— Доброе утро, — натянуто проговорил Эдвард. — Я немного занят.

— Эдвард, я король и твой отец, будь добр слушаться. Ты в истории с Сердцем и короной не слишком-то отличился, так, может быть, хоть сейчас сделаешь что-нибудь полезное?

Дверь распахнулась.

— Чувствуй себя как дома, — сказал Эдвард, глядя на Генри так, будто мысленно желал ему провалиться сквозь землю.

— Вот, другое дело! — улыбнулся король. — А я пойду готовиться к совету, нужно продумать речь.

— Ты созвал королевский совет? — выпалил Эдвард. — Можно мне...

— Нет. Ты еще слишком молод.

— По уставу принц имеет право участвовать в совете с семнадцати лет. Мне восемнадцать.

Король открыл рот, выдумывая подходящий ответ, и наконец сказал:

— Я рассмотрю этот вопрос в следующий раз.

Они смотрели друг на друга, пока Эдвард не опустил глаза.

— Хорошо, отец, — пробормотал он, и король ушел, дружелюбно кивнув Генри на прощание.

— Ого, — присвистнул Генри, заходя в комнату.

По сравнению с ней бледнели самые роскошные дворцовые залы. Все поверхности здесь были выложены плитами золотистого камня разных оттенков, у стены полукругом стояли три дивана, обитых мерцающей тканью, — такие огромные, что на них могли бы расположиться человек по семь.

— Твоя комната, она такая... золотая, — фыркнул Генри.

— Это не моя комната, — утомленно ответил Эдвард. — Она называется, не поверишь, Золотая гостиная.

Генри обошел ее кругом. На стенах были развешаны листы бумаги, пестро разрисованные животными, птицами и людьми, и Генри сразу понял, что предки никакого отношения к этим картинам не имели: нарисовано было хуже некуда. Но самым странным украшением комнаты была сшитая из мешковины и набитая чем-то мягким фигура в человеческий рост. Она покачивалась на веревке, свисающей с крюка на потолке.

Рядом с фигурой валялись меч и ножны. Генри хотел посмотреть их поближе, но Эдвард преградил ему путь.

— Я еще на празднике понял: мой отец решил оставить тебя во дворце, — без выражения проговорил он. — Видимо, к себе в лес ты не рвешься. Ну, еще бы! Зачем тебе твоя простенькая семейка, если можно остаться вот тут? — Он обвел комнату широким жестом. — Но окажи мне услугу: позволь не изображать, что я рад тебя видеть.

— А ты, я смотрю, не рассказал отцу, что спас меня, — огрызнулся Генри. — Иначе он не считал бы тебя таким бесполезным.

— Какой же ты деликатный собеседник, — поморщился Эдвард.

Двигался он как побитый старик. С тех пор как он отдал Генри свои силы, и двух дней не прошло, и Генри изо всех сил постарался не раздражаться.

— Что делаешь? — поинтересовался он, не слишком надеясь на ответ.

— Тренируюсь, — сказал Эдвард. — Вот это чучело — король Освальд. Жаль только, что он не может дать сдачи. Ну ничего, однажды я и до настоящего доберусь.

Генри задумчиво покивал.

— А чья это комната? Тут даже кровати нет, — сказал он, чтобы перевести разговор на что-нибудь другое.

— Гостиная — это просто комната, где семья проводит время вместе. Правда, никто, кроме меня, тут давно уже не бывает, — холодно пояснил Эдвард, и вдруг выражение его лица резко изменилось. — Вероятно, ты можешь мне кое-чем помочь. Ты нашел корону и Сердце, вдруг твоих способностей хватит еще на один предмет? Я буду тебе очень благодарен.

Генри нахмурился, всем своим видом показывая, что если Эдвард задумал сыграть с ним какую-нибудь глупую шутку, он может и разозлиться. Но Эдвард развел руками с такой добродушной улыбкой, что Генри невольно впечатлило его умение врать не только словами, но и лицом.

— Мы с братом постоянно тут играли и рисовали. Бездарные плоды нашего труда ты видишь на стенах, — начал Эдвард. — И я уже тебе рассказывал, что случилось перед тем, как Роберт погиб. Мы собирались идти на пикник, но он где-то спрятал мой игрушечный меч, просто в шутку, а я... Я разозлился, потому и не посмотрел за ним, когда он пошел в ущелья. До этого мы все утро провели в Золотой гостиной, а значит, и меч он спрятал где-то тут. Во дворце полно тайников, мы их все время выискивали, но, видимо, он нашел какую-нибудь секретную нишу в стене, про которую мне не сказал. Я с тех пор все ищу ее, сам не знаю, зачем. — Эдвард медленно выдохнул, и Генри сразу понял, сколько усилий ушло у него на то, чтобы рассказать эту историю таким беззаботным голосом. — Просто хочу, чтобы меч был у меня.

И тут Генри вспомнил свой неприятный, полный животного ужаса сон. В нем он тоже что-то прятал, и даже сейчас, проснувшись, Генри знал: это было что-то по-настоящему страшное. Сон казался таким реальным, будто все это когда-то произошло на самом деле, хотя он не мог вспомнить ничего подобного. По сравнению с этим убийственным страхом история про то, как незнакомый ребенок спрятал игрушку, казалась такой неважной, что Генри вздрогнул, когда Эдвард заговорил снова:

— Ну так что, найдешь тайник, раз уж мы все равно здесь? Если, конечно, для избранного это не слишком мелкая задачка.

Генри очнулся и кивнул. Он хотел сказать Эдварду, что нечего так носиться с прошлым, что оно не изменится, даже если он найдет тот меч, даже если каждый день будет лупить чучело Освальда в комнате, полной воспоминаний, — но не сказал ни слова. Он точно знал, что будущее важнее прошлого, но спор с Эдвардом тут же превратился бы в бессмысленную ссору.

Мест, где можно что-нибудь спрятать, здесь было полно: шкафы вдоль стен, ящички столов, пухлые лепные украшения на стенах, зазоры за мебелью и под диванами. Генри несколько минут бессмысленно бродил по комнате, а потом неподалеку от тряпичного Освальда увидел под шкафом темный контур какого-то предмета.

— Там точно ничего нет, я... — испуганно начал Эдвард, но Генри уже вытянул наружу туго набитую сумку. — Убери обратно. Разве не видно, что на меч вообще не похоже?

Он был прав, но сумка заинтересовала Генри куда больше, чем сто лет назад потерянная игрушка. Ремни не были затянуты, и Генри задумчиво оглядел торчащие наружу края какой-то одежды, свернутое одеяло и горлышко плетеной фляги для воды.

— Ты решил сбежать, — пробормотал Генри. — Просто ждал, когда рассветет. Зачем, кстати?

— Затем, что в шесть часов у Северного хода сменяется охрана, и минут десять его вообще никто не сторожит. Кстати, бывают хоть какие-то дела, в которые ты не

лезешь? — сухо спросил Эдвард. — Вежливый человек не стал бы разглядывать чужие вещи. Я любезно и дружелюбно попросил тебя поискать тайник, настолько хорошо замаскированный, что я не смог найти его сам. По tvoemu, за десять лет я не посмотрел под шкафами? А теперь, думаю, тебе пора.

Эдвард улыбнулся во весь рот и пинком отправил сумку обратно под шкаф.

Но Генри не собирался отступать.

— Куда ты поедешь? Ты из дворца-то почти не выходил. Даже охотиться не умеешь. Если напорешься на лося или медведя в лесу — что будешь делать?

Фальшивая улыбка тут же исчезла.

— А ты думал, я буду сидеть и смотреть, как все тебя на руках носят?

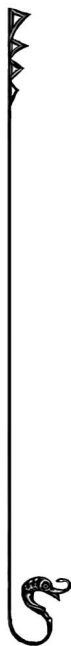
— Зачем на руках? — не понял Генри. — Я слишком тяжелый.

Эдвард закатил глаза, будто услышал такую глупость, что ему стало плохо.

— Я ее заберу, — сказал Генри, подхватывая сумку. — А ты куда не поедешь. Здесь безопасно.

— Положи на место, тупица, — внятно проговорил Эдвард. — И только попробуй кому-нибудь рассказать. То, что я не дал тебе сдохнуть, еще не значит, что ты имеешь право лезть ко мне со своими советами.

Генри закинул сумку на плечо. За три недели среди людей он вполне уяснил, что такое благодарность. Эдвард спас его, а значит, нужно не дать ему сделать глупость. Еще минуту Эдвард сверлил его таким злобным взглядом, будто всерьез рассчитывал, что Генри испугается, а потом нехотя сказал:

— Не ты один можешь совершать подвиги. Волшебство проснулось по всему королевству, и оно бывает не только доброе, ясно тебе? До потери Сердца белые рыцари защищали людей от всяких тварей, вот этим я и займусь. Ты меня не сможешь остановить, — важно закончил он, и Генри чуть не рассмеялся.

— Конечно, смогу. Лучше не заставляй, а то...

Договорить Генри не успел — Эдвард поднял с ковра меч и приставил его к горлу Генри. Тот вздрогнул. В последнее время он слишком расслабился — раньше никто не смог бы близко подойти к нему с оружием.

Железо едва касалось кожи, и было ясно как день, что Эдвард просто пугает, но у Генри вдруг потемнело в глазах. Едва соображая, что делает, он дернулся в сторону и ударил Эдварда сначала по локтю, а потом кулаком в живот — с такой силой, что тот рухнул назад и выронил меч.

— Ты сделаешь так, как я говорю, — отрезал Генри.

Он едва себя слышал, будто голову изнутри затянуло туманом. Эдвард, кряхтя и кашляя, встал. Он был безоружен, но Генри почувствовал странное, мучительное, будто чужое желание ударить его по лицу, бить его, пока он не признает, что...

«Что ты сильнее, — нараспев протянул голос огня, и у Генри перехватило дыхание. — Только слабак поднимает оружие, если не готов пустить его в ход. Покажи ему. Пусть увидит, кто ты такой».

Оцепенев от страха, Генри мысленно умолял Эдварда проваливать как можно скорее, но тот его послание явно не услышал.

— Думаешь, напугал? — звенящим голосом спросил Эдвард, поднимая меч.

В следующую секунду Генри сбил его с ног, перехватил меч и надавил лезвием ему на горло. Генри хотелось кричать, но собственное лицо не слушалось, застыло, будто онемели все мышцы. «Убей», — шептал голос. Слово пульсировало в голове, и Генри казалось, что сам он исчезает, проваливается в теплое беспмятство. В глазах Эдварда был настоящий, чистый страх, и это было так хорошо, так приятно, вот как люди должны смотреть на...

Генри замычал и из последних сил отшатнулся. Его трясло, как от холода. «Вот теперь точно напугал», — отстраненно подумал он, и на этот раз мысль была его собственная. Эдвард, прижимая руку к шее, отполз назад. На горле у него краснела узкая полоса, но крови не было. Похоже, меч, предназначенный для борьбы с тряпичным чуделом, был совершенно тупой — только это их и спасло.

— Прости, — выдавил Генри. Он с трудом вспомнил слово, которое надо говорить в таких случаях. — Прости, я не хотел.

Он думал, что Эдвард, как обычно, скажет в ответ что-нибудь высокомерное, но тот смотрел на него так, будто видел в первый раз. Как на дикого зверя, который, того и гляди, укусит. От страха его лицо разом перестало казаться взрослым.

Меч со звоном выпал из руки Генри, и этот звук словно привел Эдварда в чувство: он нетвердо встал и попятился к двери.

— Иди к себе, — глухо сказал Генри. — Никакого побега не будет.

Не поворачиваясь к Генри спиной и держа на виду руки, Эдвард добрал до двери и скрылся в коридоре. Генри подождал, когда стихнут его шаги, и вытянулся на полу,

закрыв лицо ладонями. Тис однажды сказал ему: «Внутри разрушителя, пока он растет, дар огня хранится как в стеклянном сосуде: обладатель дара чувствует только его отголоски. Но если он тронет человека, сосуд разобьется, и его нельзя собрать назад».

Сивард спас его, отдав часть своих сил, но Генри после этого трижды использовал дар и стал тем же, кем был до встречи с Сивардом, — разрушителем, вошедшим в полную силу. И если бы меч Эдварда был заточен...

Генри сипло втянул воздух и отнял руки от лица. Отец учил его, что предаваться отчаянию глупо, надо просто решать проблемы одну за другой. Судя по всему, когда Генри злится или напуган, огню легче захватить над ним власть. А значит, надо быть спокойным, ни во что не ввязываться и не давать огню повода проснуться. И еще держаться подальше от Эдварда — тот, как никто другой, способен довести его до бешенства.

Генри заставил себя встать и подошел к распахнутому окну. Ему хотелось на воздух, но идти ко входу во дворец было слишком долго, поэтому он перелез через подоконник и спустился по стене, цепляясь за лепные украшения.

Он бессмысленно побродил по саду, глубоко вдыхая влажный, пахнущий весной воздух, а потом забрался на башню крепостной стены, где они с Эдвардом сидели накануне, — оттуда весь город было видно, — и стал смотреть, как предрассветная серость над городом медленно наполняется светом, как солнце поднимается из-за далеких гор. Хватит с него приключений и опасностей, пора учиться быть обычным парнем, который знает человеческие правила, понимает людей и умеет добывать еду не

только охотой. Вдруг однажды огонь внутри просто возьмет и сдохнет со скуки?

На площади под стеной стали появляться торговцы овощами и хлебом. Новых прилавков еще не построили, так что они раскладывали свои товары прямо на земле, на кусках ткани. Покупателей было мало, но все равно торговцы весело перекрикивались — кажется, они вспоминали вчерашний праздник, и от этих радостных звуков Генри вдруг стало легче. Ему разрешили остаться во дворце, вот что главное. Он сумеет держать себя в руках, и такое, как с Эдвардом, больше не повторится. Теперь это его город, его дом. Теперь все будет хорошо.

И тут Генри увидел прохожего, который двигался быстрее других.

